

АРНА ЛОГАРД

Из каморки

МИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
И СКАЗКИ

Арна Логард

**Из каморки. Мистические
рассказы и сказки**

«Издательские решения»

Логард А.

Из каморки. Мистические рассказы и сказки / А. Логард —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748277-0

В книгу вошли небольшие рассказы и сказки в жанре магического реализма. Мистика, тайны, странные существа и говорящие животные, а также смерть, которая не конец, а начало — все это вы найдете здесь.

ISBN 978-5-44-748277-0

© Логард А.
© Издательские решения

Содержание

Мистические рассказы	6
Дай, Дай, Дай!	6
Из каморки	11
Леля и красный волк	15
Паучья яма	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Из каморки Мистические рассказы и сказки Арна Логард

© Арна Логард, 2016

© Арна Логард, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4474-8277-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мистические рассказы

Дай, Дай, Дай!

Хант сидел в кресле-каталке лицом к двери и чистил ружье. За окном выла снежная волчица, наматывая призрачными лапами снег на охотничий домик. Деревья шумели, хрустели деревянными костями, сбрасывали на холодную землю серебряные сугробы, вторя зимней кантилене.

Охотник на мгновение замер, повернул голову к окну, прислушиваясь. Потом снял с себя бараний тулуп, повесил у двери и присел у камина, потирая руки. Согревшись, подошел к столу.

– Дай, дай, дай! – подорвался с подстилки у комода мохнатый скотольф, пуская слюни.

– На, держи! – Хант швырнул в угол кусок сырого мяса и накрыл тарелку полотенцем. Сам есть не стал.

Скотольф быстро все упледел, облился и примчался обратно, виляя хвостом.

– Дай, дай, дай! – снова заповошайничал он.

– Отстань, скотина! – выругался охотник, ударив его сапогом в бок. Рыжий мохнач, опустил голову и косолапо поплелся на место. – Проглот злосчастный! – возмутился Хант.

Зверь уселся на плед и стал вылизываться. А Хант, скрипя половицами, расхаживал по дому, в очередной раз рассматривая все вокруг – будто что-то могло измениться, и он во что бы то ни стало должен это выследить.

Со стен низкорослой деревянной избы на него смотрели головы оленей, медведей, кабанов и волков, убитых им на охоте. На полу стояли выпотрошенные чучела енотовидных собак, зайцев и с десятков звериных детенышей. Над камином висела трофейная отцовская двустволка довоенного периода Sauer. Сейчас ее можно было бы продать как антиквариат. Но нет, память.

Слева у камина, носками к окну стояли старые тяжелые ботинки отца, а возле шкафа – деревянный армейский сундук с номером 35876129. Хант повернул ключ в замке. Внутри аккуратно были сложены карабины, обрезы и винтовки, а на внутренней стороне крышки закреплена коллекция кинжалов и ножей с костяными рукоятками.

Все на месте. Охотник вздохнул и, прихватив коробку с патронами, уселся в скрипучее кресло.

– Снова думаешь отстреливаться? – слышался голос из шкафа у него за спиной.

– Не твое дело! – гаркнул охотник.

– Это не сработает, ты же знаешь, – продолжал голос.

Хант молча переломил двустволку, вставил по очереди два патрона и защелкнул затвор.

– Мне надоело, что ты меня игнорируешь, – удрученно произнес кто-то. – Открой!

– Раз ты там, значит там твое место! – отрезал Хант и приведя винтовку в боевую готовность, нацелил ее на шкаф.

– А твое место где? – не унимался Сидящий в шкафу. Но охотник ничего не ответил. – Выпусти меня! Что тебе стоит? – настаивал голос.

– Да, заткнись ты! У меня есть дело! – Хант бережно положил ружье на пол, снял с головы меховую шапку с лисьим хвостом и швырнул в дверь шкафа. Скотольф подскочил, выпустил из-под меха тонкие иголки и забился под кресло, едва не опрокинув его вместе с хозяином. – Да, что ж такое! – вскочил он.

За окном послышался скрип. Хант подхватил ружье, прошипел, нарушающим тишину двоим «ш-ш-ш», и притих сам. Теперь он четко слышал, как вдалеке трещал снег, словно кто-то проламывал мощными лапами заледеневшую корку. Звук приближался.

Не поднимая головы, он переместился к окну. Скотольф, тихо кряхтя и кося глазами, демонстративно замер. Голос в шкафу молчал. Водрузив ствол на плечо, Хант протер ладонью на замерзшем стекле «глазок» и прислонился. В заснеженном лесу кроме ветра, гоняющего туда-сюда белую пыль, не было ни души. Однако скрип все еще был отчетливо слышен.

В замешательстве он распахнул окно. В теплый дом, завывая, ворвалась морозная буря, едва не сбив его с ног. Хант высунулся на улицу и стал оглядываться по сторонам. И вдруг увидел вдали темное пятно. Не раздумывая ни секунды, он прижал двустолвку к плечу нажал на спусковой крючок. Ба-бах, – ударил по ушам выстрел. Пороховой дым рассеялся, и охотник снова напряг взгляд. Пятно исчезло, а вслед за ним и звук шагов.

– Уфх, – выдохнул охотник, закрыл окно и снова уселся в кресло, положив винтовку на колени.

– А помнишь свою первую добычу? – спросил голос. Хант покосился на шкаф и опустил глаза. Разговаривать ему по-прежнему не хотелось. Ведь вспомнил он далеко не свой первый трофей.

Хант тогда еще был мальчишкой. Отец впервые привез его сюда, в охотничий домик, чтобы провести с сыном, как он выражался, «выходные только для мужчин». Выйдя из внедорожника, Хант захватил рыболовное снаряжение и сразу же побежал на озеро, в паре сотен метров отсюда. Вырубил топором прорубь и насадил мотыля на мормышку. Рядом бросил сумку с бутербродами и термосом.

Маленький Хант вытягивал небольших рыбин в надежде, что отец его похвалит, и вечером они вместе сварят ароматную уху в казане над камином. И тут на лед из лесу вышла кабаниха с выводком поросят.

Сначала она стояла вдалеке, а восемь детенышей прятались позади нее, тихо рохая. Хант заинтересовался. Он подтянул сумку к себе и достал бутерброд, закинул в рот кусок колбасы, а из хлеба скомкал мячик и бросил к кабанам. Звериная мать, то делая несколько шагов вперед, то отступая назад, несмело подошла к еде. Съев хлеб, она остановилась неподалеку от Ханта. Поросята, тыкаясь маленькими пяточками в снег, тоже пытались найти поесть.

Хант бросал хлеб снова и снова, пока его не осталось вовсе. Животные, еще немного покружив возле него, ушли в зимний лес.

Вернувшись в избу, Хант оживленно рассказывал отцу, как почти удалось приручить диких зверей. Отец потрепал сына по волосам и принялся чистить рыбу.

На следующий день Хант собрал со стола весь хлеб и снова пошел на озеро. Но рыбалка была ему уже неинтересна.

Через несколько часов вдалеке появилась кабаниха с детьми. Мальчик обрадовался, достал батон и снова попытался приманить животных поближе. Он зачарованно наблюдал, как дикий зверь, виляя хвостом будто домашний пес, выпрашивает хлеб. Несколько рыжих поросят выбежали вперед, чтобы тоже перехватить пару крошек. Для Ханта это было каким-то Рождественским чудом, с которым так хотелось соприкоснуться. Ему казалось, что вот-вот, звериная мать примет еду из его руки. Как вдруг раздался выстрел...

Раненая кабаниха громко завизжала и рванула к лесу. Но пробежав лишь полпути, упала на снег, изворачиваясь и дергаясь в агонии. Из ее шеи лилась кровь. Поросята же скрылись за деревьями.

В этот миг Хант испытал самый сильный испуг в своей жизни. Он обернулся и увидел отца с винтовкой, тот одобрительно кивнул. После чего поволок еще теплое тело к берегу, оставляя на белом одеяле реки широкую красную полосу.

Позже, вечером, Хант, вытирая слезы, уплетал мясо кабанихи, пожаренное на углях. «Видишь, оно того стоило», – сказал ему отец. Хант кивнул. Той же ночью он описался.

– Опять вспомнил отца? – спросил голос из шкафа. Охотник в удивлении обернулся. – Ну, молчи, молчи. Ты ведь и сам можешь оказаться на моем месте, – продолжал голос. А в голове Ханта продолжали крутиться воспоминания. Видимо, это событие стало его посвящением во взрослую жизнь. Циничное и необратимое. А еще с тех пор он перестал различать красный цвет – он сменился серым.

Охотник подошел к столу, снял полотенце с тарелки, посмотрел на куски сырого мяса и сплюнул на пол.

– Дай, дай, дай! – снова примчался зверь и принялся тереться о ногу. Игнорируя его, Хант направился в ванную и погрузил лицо в ледяную воду. Затем, что-то осознав, поспешно вбежал в комнату. Скинул полотенце и оторопел – он четко видел красную кровь. В смятении, он швырнул тарелку на пол. Довольный скотольф ту же принялся уплетать мясо, от удовольствия выпуская колючки, и с опаской оборачиваясь на хозяина.

Хант подкинул дров в камин и задумался. Что-то было не так. Он почесал лоб и с подозрением посмотрел на скотольфа. Тот довольно облизывался. Хант повернулся к шкафу, собираясь обратиться к Сидящему внутри, как за окном снова послышался скрип.

Охотник подкрался к окну. Теперь он четко слышал, как вокруг дома кто-то бродит. В этот раз он не стал выглядывать на улицу, а направил ствол в дверной проем в ожидании нападения. Время шло, но ничего не происходило. Потом кто-то трижды постучал в дверь.

– Страшно? – спросил Сидящий в шкафу. – Мне тоже было страшно, – продолжал он, не дожидаясь ответа. – Может, откроешь?

– Дверь для того и нужна, чтобы ее закрывать, – прошептал Хант.

– Опять ты за свое, – засмеялся голос. – Может, она заперта, потому что ты знаешь, кто за ней? Не правда, ли?

Хант задумался, встряхнул головой и снова стал прислушиваться. Некто заскрипел по снегу обратно к лесу.

– Ну, что? Вспомнил, кто это был? – ехидничал голос.

– Да как-то с памятью сегодня не очень, – ответил Хант, потирая пальцами лоб.

– Ну, это поправимо, – снова засмеялся голос. – Есть один рецепт.

– И какой же? – поинтересовался он.

– Эх. Если бы все было так просто, я бы не сидел в шкафу, – загадочно ответил тот. – Всему свое время.

Скрип полностью утих. И Хант, выждав несколько минут, выглянул наружу. Под окном были четко видны следы мужских ботинок. Охотник огляделся по сторонам и закрыл окно. Потом, будто что-то заподозрив, резко повернул голову к камину и отступил назад – отцовских ботинок не было на месте. На несколько секунд замешкавшись, Хант принялся в очередной раз осматривать комнату, пересчитывать чучела животных, оружие и ножи. Отцовского «Зауэра» тоже не было!

Тело Ханта прошила дрожь. – Что происходит, мать твою?! – выругался он.

– Выпусти меня и узнаешь, – ответил голос.

– Да, иди ты! – махнул рукой охотник. – Может, ты опасней того, кто приходил?

– Может, ты опасен? Может, ты опасен? – перекинул его Сидящий в шкафу. – Уж точно, не опасней, чем ты.

– Я-то знаю, кто я, – недовольно буркнул Хант. – А вот ты кто?

– Выпусти меня и узнаешь, – повторил тот.

Ба-бах! Вдруг раздался на улице выстрел. Хант, распахнув окно и увидел, как вдали исчезает фигура охотника с ружьем за спиной.

– Эй! – закричал он ему вслед. Но силуэт скрылся в застывшем лесу. В дом снова ворвался морозный ветер. Скотольф забурчал и перелез поближе к камину.

– А ты знаешь, кто это был? – обратился он к шкафу. Но голос ничего не ответил. – Странный ты, – вздохнул Хант, – То тебе рот не заткнешь, то и слова не выпросишь. – Он снова подошел к камину, потрепал за ухом зверя и подкинул дров в огонь. Они заискрились, затрещали, зашипели, будто сопротивляясь своему уделу. А Хант вытер руки о камуфляжные штаны и уселся в кресло.

Мысли непрерывно терзали его голову. Его привычную смелость сменила растерянность. «Как зверь загнанный», – думал он, пытаясь понять, что происходит.

– Реально ли все это? – вырвалась из его рта мысль.

– А ты думаешь, это сон? – спросил голос.

– Не знаю. Такие длинные сны мне раньше не снились, – признался он. – Но, может, ты знаешь?

– Если я скажу – твой сон начнется заново, – пояснил Сидящий в шкафу. – Скоро все закончится само по себе.

– Что начнется? Что закончится? – в недоумении обернулся назад охотник, подошел к шкафу и потянулся к замку на двери... Как нечто гулко ударило в стену дома.

– Я так сойду с ума! – раздраженно выкрикнул он. И принялся тереть горячей рукой по расписанному ледяными узорами стеклу. Но ничего не смог увидеть и вздохнув, снова распахнул окно.

На снегу, прямо под окном лежала туша кабана, от которой в лес уходила красная дорога. Хант сполз на пол и закрыл ладонями лицо. Скотольф, учуяв кровь, нагло выскочил в окно и принялся терзать тело. Хант поднялся – но за окном уже никого не было. Даже кровавая тропа куда-то исчезла.

Его мозг закипал. Нервы были на пределе. Упершись рукой в стол, он еле удержал равновесие. Потом уже по выработавшейся привычке замотался по дому, проверяя все ли на месте. На этот раз исчезли его тулуп и двустволка, лежавшая у кресла. Хант уперся спиной в шкаф.

– Эй, не закрывай мне свет! – рассердился голос. – Эта замочная скважина – все что у меня есть!

Хант отошел в сторону. – Что ты хочешь увидеть? Мою смерть? – возмутился он.

– Смертью меня давно не удивишь, – ответил Сидящий в шкафу.

Ба-бах! Снова раздался на улице выстрел. За ним последовал еще один. Хант узнал звук своей двустволки.

– Какого черта! – запаниковал он. Где-то вдалеке раздался страшный рев. Точнее его эхо. Охотник выглянул в окно и увидел в глубине леса черную тучу, мчавшуюся к дому. Черно-красную тучу. На четырех лапах.

– Медведь! – крикнул он и впопыхах бросился за оружием к армейскому ящику. Распахнул окно, вогнал патрон в патронник, взвел курок и прицелился. Но обрез не выстелил. Хант швырнул его на пол.

Время шло на секунды. И охотник осознал, что его уже ничего не спасет.

Разве что – толстая, дубовая дверь шкафа.

Осколки стекла посыпались на пол, и раненый медведь залетел в дом. Но Хант уже повернул ключ в замке и нырнул в темноту.

Время будто замерло. Звуки утихли. И вдруг в крошечной темноте к нему начала возвращаться память.

– Ну, что? Полегчало с памятью? – слышалось в темноте.

Хант полез в карман и чиркнул зажигалкой. Красный хвостик света озарил пространство.

– Полегчало, – ответил он, направляя свет на противоположный угол... Перед ним стоял он сам. От неожиданности у Ханта перехватило дыхание.

– Не каждый день доводится увидеть самого себя, уж тем более в шкафу, – иронично произнес двойник.

– Ты – это я? – спросил он. – Как это возможно?

– Возможно. Только уже наоборот, – ответил Сидящий в шкафу и засмеялся.

Хант пожал плечами. – Как ты здесь оказался? – продолжал он задавать вопросы.

– Так же как, и ты. Медведь разорвал на охоте, – ответил сосед.

– Да... Я вспомнил, – грустно протянул охотник. – Берлога. Медведь. Выстрел.

А потом...

– Вот-вот... – подхватил голос.

– А откуда взялся скотольф? – вдруг спросил Хант.

– Оттуда, откуда я, и медведь, и все остальное, – объяснил двойник.

И тут Хант услышал скрип кресла. Наклонившись, он заглянул в замочную скважину. В кресле сидел он и также чистил ружье. Охотник снова чиркнул зажигалкой – но соседа в шкафу больше не было.

– Эй, выпусти меня! – окликнул Хант самого себя.

– Кто тут? – вздрогнул охотник и обернулся на шкаф.

– Ну вот, опять, – отчаялся Хант и уселся на пол.

– Дай, дай, дай! – запопрошайничал скотольф.

Из каморки

Она сидела в уголке, обхватив колени руками, пытаясь дышать тихо-тихо, чтобы не быть услышанной. Темнота скрывала ее худенькое тельце, и ей казалось, что она плотная, как одеяло, и так же как оно способна согреть ее и спрятать от воображаемых страхов. В руках она держала небольшую шкатулку.

За дверью раздавались голоса, иногда она могла разобрать, о чем они говорят. Но, как правило, слышала лишь «бу-бу-бу» и «у-у-у». И представляла, что это два ветра встретились высоко-высоко в небе и рассказывают друг другу на понятном только им языке о том, как они крушили целые города, будто хвастаясь.

У нее тоже был свой язык. Только ей не было с кем на нем общаться, ведь она почти всегда была одна, здесь, в маленькой каморке большого страшного дома. Она бы тоже хотела быть сильной как ветер и разрушить стены, чтобы увидеть тот странный мир, о котором почти ничего не знает. Но она очень маленькая и слабая, и, наверное, ненастоящая.

«Шу-шу-шу», – слышала она, когда прикладывала шкатулку к уху. В ней тоже был заключен ветер, точнее его дух. Так ей казалось. И он тоже хотел вырваться на свободу. Но она не могла его отпустить, ибо знала, что он сметет все на своем пути.

Иногда ей казалось, что она существовала здесь всегда, что она родилась вместе с этим домом, пропахла его досками и штукатуркой, что внутри ее тоже есть гвозди, скрепляющие ее частички в единое целое.

Единственным ее живым другом была кошка. Изо дня в день она ждала, когда теплая мурлыка принесет ей кусок хлеба или что-то другое из этой непонятной человеческой еды. Хотя еда была ей не нужна, она просто не хотела расстраивать кошку.

Каждое утро мурлыка пролазила в щель между стеной и балкой, клала ей под ноги еду и садилась наблюдать. А она делала вид, что кушает, проглатывая только крошки, а остальное прятала за спиной. Потом когда кошка уходила, она перелезала в один из дальних уголков, заваленный хламом, и складывала еду в поржавевшую кастрюлю.

А еще она очень боялась, что ее кто-то увидит. Что скрипучая дверь откроется, на пол упадет длинный шлейф света, и она не успеет спрятаться. И когда страхи душили ее так сильно, что даже подслушанные странные магические слова «отче наш» не помогали, она забиралась в пыльную детскую кроватку и обнимала плюшевого мишку с оторванной лапой. Она жалела его больше, чем себя, ведь думала, что страх уже высосал из него хрупкую жизнь. И только обняв своего мертвого друга, она успокаивалась и почти засыпала.

Но спать она тоже боялась. Ведь в этом мире те, кто спят – видят сны. А там еще больше опасностей, чем в этом ставшем привычным укроном местечке. Задремать ненадолго она могла лишь тогда, когда кошка вылизывала свою блестящую шкурку и пела ей колыбельную: «мур-мур-мур», «мур-мур-мур». Кошка гипнотизировала ее страх, и тогда ей снился другой мир, с такими же, как она глазастыми маленькими существами. В нем было тихо-тихо, темно и спокойно. И, проснувшись, она смутно вспоминала, что попала сюда случайно и тогда тосковала по дому.

Иногда те, кто издают голоса, заходили в ее укрытие, шуршали, светили ярким лучом, что-то брали или ставили, и снова уходили. Тогда она забивалась в самый темный уголок, закрывала глаза, и замирала. Быть тихой и незаметной она тоже училась у кошки. А когда чужие уходили, она медленно подползала на коленках к новым вещам и трогала их пальчиками, нюхала и слушала, какие звуки они издают. И улыбалась.

Вечерами она пробиралась к щели, через которую кошка приходила к ней с улицы, и наблюдала, что там происходит. Днем подходить к выходу в большой мир она не решалась, потому что огромное светило сразу же оставляло ожоги на ее прозрачном хрупком тельце.

Зато ночью ее удивительные большие глаза могли видеть все, что происходит от дома, в котором она была заточена, до конца длинной улицы. Правда, происходило там всегда одно и то же – туда-сюда катались разноцветные коробочки, туда-сюда ходили разноцветные люди. Но все равно там было интереснее, чем здесь, в каморке.

Она мечтала, что когда-то придет день, который все изменит, что произойдет что-то невероятное и хорошее, или пускай даже плохое, но пусть хоть что-то произойдет.

И такой день настал...

Сначала она тоже слышала «бу-бу-бу» и «у-у-у», только громче, какое-то шуршание, стуки, а потом дверь каморки резко открылась, и кто-то, проскользнув по деревянному полу, приземлился прямо у ее лица. Она быстро укрылась в темном уголке. Дверь каморки громко стукнула, аж стены задрожали, и задрожал кто-то новый. А потом заплакал. Она, конечно, слышала плач детей на улице, но так близко – никогда.

Незнакомец изменил позу, сел на пол и стал ощупывать царапины и синяки. Какое-то время он еще всхлипывал, но потом успокоился и затих. Она наблюдала. Гость протер глаза и попытался осмотреться в полной темноте. Потом заметив кошкин лаз, из которого внутрь просачивались блики света, полез в его сторону и высунул нос наружу. «Помогите», – прохрипел он. И тут в дверь настойчиво застучали. «Помогите», – перешел он на робкий шепот, но снова услышал стук в дверь и отполз обратно.

Несколько часов он хныкал, чмыкал носом, осматривался по сторонам, а через какое-то время смиренно вздохнул, устроился на полу и уснул. Крошка долго боялась подойти к незнакомцу, но потом все-таки решилась – и уселась у его лица, наблюдая, как дрожат его веки, нос и губы. Но как только он начинал дергаться – укрывалась в уголке за старыми ящиками, а потом снова прибегала.

Незнакомец провел у нее в гостях два дня. Иногда он подлезал к дыре на улицу и снова произносил то дрожащее слово, но каждый раз слышал громкий стук в дверь. Кошка почему-то не приходила.

Однажды она увидела, как ее новый сосед держится за живот и тихонько стонет. Тогда она вытолкнула к нему сухарик из запасов, которые принесла мурлыка. Тот вздрогнул и начал вглядываться в темный угол. Но, не несмотря на опасение, все же протянул руку и поднял сухарь. Слишком сильным был его голод. Она же на всякий случай закрыла глаза – дабы они ее не выдали.

Ночью, когда ее гость уснул, просунув ноги между прутьев детской кровати, она пробралась мимо него к кошкиному лазу и стала осматривать улицу. Если бы кто-то в это время посмотрел вверх, он бы увидел, как светятся ее глаза, и, наверное, принял бы ее за кошку.

На улице никого не было, но далеко-далеко впереди она увидела знакомое пушистое тельце. «Мур-мур-мур», – позвала она, имитируя голос мурлыки. Но та не реагировала. «Мур-мур-мур», – позвала она еще несколько раз громче, с опаской посматривая на спящего незнакомца. Но кошка все также не отзывалась. И тогда у нее не осталось другого выбора, кроме как покинуть свою обитель. Она осторожно пролезла в щель, спустилась к краешку крыши, слетела по водосливу вниз и, взволнованно оглядываясь по сторонам, направилась к кошке.

Через несколько секунд она уже была рядом. Но кошка не двигалась, она, скрючившись, лежала на тротуаре, и Луна не отражалась в ее глазах как прежде. «Ма», – прошептала она и стала прислушиваться. Но от кошки осталась только тишина.

Она прикоснулась прозрачным пальчиком к ее холодному телу. И мурлыка вдруг исчезла. Еще несколько секунд маленькое существо смотрело на темное пятно, оставшееся после нее, а после очень быстро побежало обратно, ловко вскарабкалось по стене не крышу, и снова скрылось в каморке.

Гость все также спал, обнимая ее мертвого плюшевого друга. Она тихонько достала из тайника шкатулку, прислонила к уху и улыбнулась – к привычному шуршанию ветра добавилось тихое мурчание.

Незнакомец проснулся от звука приближающихся шагов, дверь распахнулась, и двое хозяев утащили его с собой, взяв под руки. А она, оставшись, снова слышала за стеной «бу-бу-бу» и подпрыгивала от каждого громкого звука, спрятавшись под тряпьем в коробке.

Вскоре дверь снова громко стукнула, в каморку влетело тело ее нового сожителя, защелка клацнула, и чужие ушли. Крошка подбежала к гостю и как всегда уселась у его лица. Его глаза были закрыты, он не издавал никаких звуков, только по тихому дыханию она понимала, что он еще жив. «Бу», – сказала она, но тот не просыпался. «Мур-мур-мур»... «Отче наш»... Произносила она все слова, которые знала – но все было впустую.

Она не сходила с места и ждала, когда спящий откроет глаза. И пусть, проснувшись, он испугается, но он будет знать, что не одинок, и здесь есть кто-то, кто на его стороне. Даже если он плохой, но досталось ему сильно. На его лице были синяки, а тело было укрыто ссадинами. Она очень хотела ему помочь, но понимала, что ей нельзя ни к кому дотрагиваться. Раньше она очень хотела прикоснуться к кошке, но не делала этого, потому что знала, чем это закончится.

Сосед начал шевелиться, взмахнул рукой, отбиваясь от невидимого врага, едва не зацепив ее, скривился – и она снова растеряла всю храбрость и скрылась за старыми чемоданами. Он открыл глаза и, взявшись за голову, снова заплакал.

Еще два дня она тайком приносила ему сухарики, а он тихонько передвигал коробки и старое барахло, пытаясь отыскать того, кто ему помогает. Иногда он даже обращался к ней. Но она никогда не отвечала. Тогда он решил пойти на хитрость. И когда маленькое существо снова положило у его спящего лица кусочек сухой колбасы, открыл глаза. От неожиданности крошка подпрыгнула и хотела было убежать, как большая рука схватила ее – но тут же обмякла и разжалась.

Малышка упала на колени и отползла немного назад, глядя на неподвижного гостя. Его тело еле заметно мерцало. Потом свет утих, и она поняла, что жизнь покинула его. Слезинка покатилась по ее щеке, выжигая красный след. Она взмахнула ее и прикоснулась маленькой ладошкой к соседу. И вдруг он исчез, так же как и кошка. А она направилась к тайнику, достала черную шкатулку и поднесла к уху. Теперь к знакомым звукам прибавился еще один. «Тук-тук, тук-тук, тук-тук».

На следующее утро дверь каморки открылась, и внутрь вошли двое. Не обнаружив пленника, они ринулись светить фонариком по всем углам, переворачивая старую мебель и двигая коробки с книгами и вещами. Сказав много громких слов и пожав плечами, они ушли.

«Черт», – повторила она за чужими, вылезая из убежища, и первым делом бросилась проверить – на месте ли драгоценная шкатулка. Та была спрятана, как всегда, между досок. Крошка достала ее, бережно вытерла пыль и прижала к груди. Она хотела убежать отсюда, но все еще надеялась, что вот-вот за ней придут, из того далекого мира, который она видела во сне, и заберут домой. Ведь в противном случае ей придется искать новое убежище.

Но продумать план до конца она не успела. Дверь снова открылась, и чужие вошли внутрь. Они протянули провода и зажгли свет, да такой, что внутри не осталось ни одного темного закоулка. Крошка от неожиданности замерла, стоя возле тайника с коробочкой в руках. А двое наклонились над ней и вытаращили большие глаза. Она задрожала, понимая, что ей больше нигде спрятаться, и что вот-вот снова произойдет что-то страшное.

Хозяева о чем-то спорили, глядя на нее свысока. Потом один из них протянул к ней руку. Малышка закрыла глаза и сжалась. Большой палец тыкнул ее в голову, и она упала. «Чирк», – услышала крошка, подняла взгляд и увидела, как сияющее тело падает на пол.

Она наблюдала, как тело большого хозяина переставало излучать свет. Но спасти его она не хотела – в шкатулке место не для всех.

В это время второй чужой, увидев, что произошло с его приятелем, выскочил из каморки и бросился бежать. Крошка догадывалась, что сейчас он придумает, как поймать ее так, чтобы не прикасаться, и вернется.

Раздались шаги. Дверь открылась, и она увидела в руках у второго веник и банку. Бежать было некуда, прятаться было негде. И тогда она села на пол, поставила перед собой шкатулку и открыла ее.

В лицо второму хозяину тонкой струйкой ударил ветер, он стал разгоняться и становился все шире и шире, подхватывая все вокруг длинным хвостом, и затягивая в воронку, внутри которой грохотало сердце. Лицо чужого исказилось от ужаса, он ринулся бежать, но ступив всего пару шагов, был схвачен огромной кошачьей пастью, вынырнувшей из урагана. Она проглотила его, закусила мертвым приятелем и принялась поглощать наполняющее каморку барахло.

Маленькое существо схватило пустую шкатулку, вылезло сквозь щель на ночную улицу и отбежало в сторонку. Ураган усилился, сначала он разломал на щепки каморку, потом принялся за комнаты и чердак, пока от дома не остались развалины. Крошка закрыла глаза руками. Потом затопала ножками, живой ветер повиновался и вернулся обратно в шкатулку, выплюнув из усатой пасти на землю кучку человеческого пепла.

Она опустила голову, подхватила шкатулку и побежала вперед по улице. Повернув направо, она наткнулась на еще один разрушенный дом. Испугавшись, она развернулась и побежала налево, но и там увидела уничтоженное ураганом жилище. Остановилась и задумалась. Потом улыбнулась и снова приоткрыла шкатулку.

«Шу-у-у-у», – зашумела душа ветра, загремела, ломая асфальт, переворачивая автомобили и круша дома. Она догадывалась, что там, ни о чем не подозревая, спят большие и маленькие люди. Но теперь она поняла, как вернуться обратно, и ее ничто не остановит.

Она могла это предотвратить, но вместо этого, просто закрыла глаза – и ураган подхватил ее маленькое тельце, затянул в свое пыльное нутро, где кувыркались вырванные с корнями деревья, обломки домов и спящие люди. А потом еще глубже, только ее, одну, в свое сердце. «Тук-тук, тук-тук, тук-тук», – билось оно. Она протянула к нему руки и нащупала что-то мягкое. «Ма», – сказала она. «Мур-мур-мур», – ответили ей. И вдруг все затихло.

Она открыла глаза и увидела, что сидит в маленькой каморке. «Бу», – сказала крошка, подхватила черную коробочку и уползла в темный уголок.

Леля и красный волк

– Это не я, оно само, – сказала девочка, топнула ногой и побежала к васильковому полю. Ветер завывал ее рыжие волосы в кудри, а ее босые ноги тонкой бороздой разделяли синие цветы на два континента.

– Леля! – звал ее красный гривистый волк, – вернись!

Но она, не оборачиваясь, бежала по полю в сторону изумрудного леса.

– Леля! – снова окликнул он, встал на тонкие задние лапы и приложил переднюю ко лбу, всматриваясь вдаль.

Девочка бежала все дальше и дальше, смахивая маленькой ладошкой слезы, хлынувшие с зеленых глаз. – Вот так всегда, – грустно сказал волк, спустился на четыре лапы и медленно побрел следом, чтобы не тревожить ее еще больше.

Нашел ее на опушке леса, в домике, спрятанном среди ветвей дуба. Заметив его, Леля отошла от окошка и притихла.

– Спустись, поговорим, – предложил гривистый волк. Но девочка молчала. – Леля, ну же. Не стоит бояться, – пытался уговорить он.

Немного подумав, девочка снова подошла к окну.

– Сам приходи, – сказала она.

Красный волк снова встал на задние лапы и принялся карабкаться по тонкой деревянной лестнице наверх.

– Что тут у тебя? – спросил он, стоя в пороге.

– Все, что пожелаю, – ответила девочка. – А ты? Чего хочешь ты? – поинтересовалась она. – Есть ягодный чай с медом, зефир и крекеры.

– Я поговорить хочу, а не твои придуманные сладости, – скривился волк.

– А мне и придуманные вкусные, – сказала Леля и надкусила розовый зефир.

Волк вошел внутрь и уселся в кресло-качалку напротив девочки. На столе стояла ваза с теми же васильками, белый фарфоровый чайник, стеклянное блюдо с медом и тарелка со сладостями.

– Как у бабушки, – констатировала девочка.

– Понимаю, – меланхолично протянул он и принялся раскачиваться в кресле.

– А тебе бы поесть не мешало, – сказала девочка, пытаясь оттянуть серьезный разговор. – Вон, какой худой – ни волк, ни лис, жираф какой-то. Станный, – сказала она и пожалала плечами.

– Ну, какой есть, – буркнул агуарачай. – Я все-таки редкий зверь.

– Интересно увидеть того, кто тебя придумал. Может, мы бы подружились, – думала вслух Леля.

– Так вот, – начал волк. – Как же так произошло?

– Я же говорила, это не я, оно само, – снова повторила девочка и надула губы.

– Леля, пойми, тебе надо вспомнить. По-другому никак, – озадаченно пробормотал зверь.

– Ты же знаешь, что я не хочу вспоминать. Не хочу и не буду! – капризничала она. Потом отвернулась. – А что будет? Что будет, если я не вспомню?

– Ты останешься здесь навсегда, – сказал серьезным тоном гривистый волк.

– И что в этом плохого? – спросила девочка. – Мне здесь нравится. Можно придумать все, что хочешь.

– Не все, – сказал гость. – А только то, что ни на что не влияет. Но это тебе скоро наскучит, вот увидишь.

– Как наскучит, тогда и поговорим, – сложив по-взрослому руки на груди, сказала Леля и прикрикнула. – Уходи!

– Ладно, – смирившись, ответил волк. – Видали и капризней.

Леля опустив глаза молчала. Красный волк, облокотившись лапами о ручки кресла, встал и направился на выход. – Скоро увидимся, – подмигнул он, ловко спрыгнул вниз, и скрылся в глубине леса.

Малышка выглянула в окошко, с облегчением вздохнула, завернула в салфетку надкушенную зефирку, положила в карман платья и тоже полезла вниз. Ей хотелось осмотреться в этом новом месте. Раз она решила тут остаться. Приподняв за края зеленое платье, она побежала обратно к полю васильков, по вытоптанной ранее тропинке. За полем была знакомая поляна, с которой все и началось, а дальше, вдалеке, виднелась речка. Леля остановилась, отдышалась и уже пошла не спеша в сторону шумящей воды.

Усевшись на берегу, она задумчиво, посмотрела на противоположный берег, потом подобрала палочку и принялась ковырять песок, выкапывая камни забавной формы. Разглядывала их, придумывая им прозвища, в зависимости от того, кого или что они напоминали, и складывала в ряд. Просидев так около часа, она зевнула, поднялась, смахнула с платья песок и пошла вдоль реки.

Спустя какое-то время она остановилась и огляделась по сторонам. «Река, трава, цветы, деревья. Скучно», – подумала она. – Почему ничего не происходит?», – закрыла глаза и спустя несколько секунд снова открыла. На песке появилась большая кукла. Она улыбнулась, взяла ее за руку и потащила за собой.

– Знаешь, на самом деле, я все помню, – сказала она кукле. – Только признаваться не хочу.

Кукла молчала. – Потому, что так не хочется помнить, что я виновата, – объясняла она дальше, оборачивалась по сторонам – никто ли не слышит ее признания. – А еще мне очень-очень страшно, что придется отвечать за то, что я натворила. Но, честное слово, я не хотела.

Леля снова остановилась, села на теплый песок и посадила куклу напротив себя. Поправила на ней такое же зеленое платье, всполошила такие же рыжие, как у нее самой, волосы, и выставила вперед ее белые ладошки. Потом вытащила из кармана сладость, размотала салфетку и вложила кукле в руки.

– Кушай, сама сделала, – произнесла она и посмотрела игрушке в глаза. Выждав несколько секунд, забрала у нее зефирку и съела сама. – Правда, вкусно? – спросила она у куклы и, кивнув ее головой, пробубнила от ее имени «угу». Снова встала, подняла с земли куклу и швырнула ее в реку. Ту мигом унесла быстрая вода вниз по течению.

– Хочу настоящего друга! – крикнула Леля и затопала ногами. Но ничего не произошло. Тогда она развернулась и пошла обратно к домику на дереве, потому что уже темнело, и других домов она тут пока что не видела. «Переночую там, а утром придумаю себе лошадку», – решила она. – «И поскачу на ней туда, где есть такие же девочки, как я».

В домике было уютно. Но все равно страшно. Она еще никогда-никогда не ночевала одна. Леля зажгла светильник возле маленькой кровати, обложила подушками и укрылась с головой пуховым одеялом. Спустя минуту высунула голову и затащила под одеяло взявшегося из ниоткуда плюшевого мишку. Но сон не приходил.

– Расскажи мне сказку, – попросила она. Но в домике было тихо, лишь за окном тихо шуршала листва и пели птицы. – Ту, мою любимую, – прошептала Леля и заплакала.

– Однажды в одном далеком королевстве жила себе маленькая принцесса, – услышала она знакомый голос и притихла, боясь, что он исчезнет. – Король с королевой очень любили свою единственную дочурку и всячески ее баловали, – медленно продолжал голос, выделяя каждое слово по отдельности. – Они дарили ей самые красивые куклы и игрушки, сделанные придворными мастерами, каждый день подавали к столу самые вкусные заморские сладости,

привезенные купцами со всех уголков света, наряжали в самые красивые платья, расшитые невероятными цветами – чтобы их дочь была счастливой. Каждая маленькая девочка бы позавидовала тому, как живет принцесса, – продолжал голос, но Леля уже уснула.

Утром девочка спохватилась, сбросила на пол одеяло вместе с мишкой, вскочила с кровати и подбежала к столу. На нем стояла чашка теплого молока и ее любимые блинчики с клубничным вареньем.

– Мама! – позвала Леля и бросилась к окну. Внизу стоял красный волк.

– Здравствуй! – сказал он и привстал на задние лапы. Девочка отошла от окна и села за стол, подперев щеки кулачками и надув губы. Она слышала, как волк взобрался по лестнице и вошел в дом, но даже не обернулась.

– Ты же все прекрасно понимаешь, – сказал он, стоя у нее за спиной. – Мамы здесь нет.

– Кто же тогда читал мне сказку? – спросила Леля, подошла к зеркалу и увидела, что ее огненные волосы заплетены в косички.

Волк загадочно улыбнулся. – Может, тот, кто придумал это место? – спросил он, будто девочка это знала лучше его. Он снова по-человечески уселся в кресло-качалку и тоже устался на блины. – Вкусно, наверное? – предположил он.

– Раньше было вкусно, – сказала девочка и уронила слезинку в чашку с молоком. – Когда их готовила мама.

– Она тоже плачет. Ты чувствуешь? – просил он.

– Да, – ответила девочка и посмотрела в угол, где стоял небольшой стеклянный аквариум, круглой формы. Он был до половины наполнен водой. – Когда буду уходить, придется взять его с собой, – сказала она, потом закрыла глаза, а когда открыла – в соленой воде уже плавала рыбка. – Так легче, – заверила Леля.

– Значит, ты готова признаться? – спросил агуарачай. Девочка опустила взгляд.

– Пошли, – позвала она, быстро вскочила, взяла сосуд и спустилась вниз. Волк прыгнул следом, и они направились в глубь леса.

Там она еще не была. Чтобы ходить в страшные места, ей нужен был друг, но придумать настоящего, живого, она не могла. Потому что это только частично ее мир. И теперь пришло время его покинуть. Если она, конечно, отважится.

Шли они, шли, пока не оказались на поляне. Леля поставила аквариум на землю и принялась тереть руки.

– Попрошу ее, чтобы меньше плакала, – обернулась она к волку. – А то тяжело нести.

– Ты можешь оставить его, – предложил зверь. Но Леля опять-таки ничего не ответила. Она закрыла глаза. И увидела маму. Та как раз пыталась уснуть, уткнувшись лицом в мокрую подушку.

– Мама, мама, мамочка, не плачь, – стала просить ее Леля. Мама во сне обняла ее, поправила разноцветные резинки на косичках и улыбнулась. – Мама, мамочка, – все хорошо, – успокаивала ее Леля, прижимаясь щекой к теплой маминной ладошке. – Только так много не плачь, а то тяжело носить твои слезки. – Мама гладила ее по голове и говорила: «Я постараюсь, но не знаю, смогу ли. Я буду помнить тебя всегда». Леля обняла ее и открыла глаза.

Красный волк смотрел, как из них прозрачными бусинами посыпались слезы.

– Ну, вот, – казал он. – И сама туда же.

– Идем, – отрезала Леля, подняла аквариум и поспешила вперед, не оборачиваясь на зверя. Тот помотал головой, потом неожиданно подхватил ее под ноги и забросил себе на спину, и девочка поехала на нем верхом, одной рукой ухватившись за гриву, а второй прижимая к груди аквариум.

– Почему мы никого не встречаем по пути? – спросила она. – Неужели мы с тобой здесь одни?

– Не одни. Просто это слишком большой мир, и каждый выбирает сам, кого он хочет или не хочет встретить, – ответил волк.

– Но я хотела встретить друга. Тогда я могла бы оставаться здесь, сколько хочу, тогда бы мне не было страшно, – заверяла девочка.

– Иногда мы не понимаем, что у нас уже есть то, о чем мы мечтали, – ответил агуарачай.

Спустя какое-то время они вышли к бескрайнему океану. Волк остановился и присел, чтобы Леля могла слезть на землю. Девочка поставила аквариум на песок и, заметив, что воды стало еще немножко больше, грустно вздохнула.

– Это конец? – спросила она.

– Это привал, – ответил зверь. Он закрыл на секунду глаза, а когда открыл, Леля увидела, что возле них появились деревянные садовые качели. Очень похожие на те, что стояли в саду ее дома – с таким же навесом из белой ткани и мягкими подушками. Не долго думая, она вылезла на них с ногами и удобно расположившись, стала медленно раскачиваться, глядя на играющий волнами океан. Волк примостился у ее ног. Какое-то время они сидели молча.

– Знаешь, – нарушила умиротворенную тишину Леля, – на самом деле я все помню.

– Знаю-у-у, – протянул гривистый волк.

– Это я сделала, – призналась она.

– Знаю-у-у, – повторил волк. – Расскажи.

Девочка вздохнула. – Сейчас у меня почему-то больше ума, будто одна часть меня – это я, маленькая Леля, а вторая – взрослый человек. Странно. Если бы я тогда понимала, как сейчас – все было бы по-другому, – предположила она.

– Все было бы так, как должно быть, – заверил волк.

– Мне всегда нравилось смотреть на огонь. Он был таким красивым и живым. И меня почему-то очень сильно тянуло к нему. Вот, – протянула она ладошки вниз, к волку, и он увидел на них ожоги. – Я знала, что он больно обжигает, но это меня не останавливало. Мама прятала спички и зажигалки, потому что ей уже приходилось тушить мой кукольный домик, старые газеты на чердаке и много чего еще. В тот день я выменяла у соседской девочки шоколадное яйцо на спички. И пока мама была на работе, я няня общалась внизу по телефону, я поднялась к себе в комнату, вырвала альбомные листы, помяла их и соорудила снежную гору. Мне очень хотелось посмотреть, как она растает. Я чиркнула спичкой, поднесла к вершине – и она вспыхнула. Было невероятно красиво. И тепло. Но потом рыжие огоньки побежали к окну и начали карабкаться по шторе – она тоже вспыхнула. Очень быстро. А другие огоньки побежали ко мне, – рассказывала дрожащим голосом Леля. – Я не помню, было ли мне больно. Наверное, очень-очень. Но тогда я просто думала, что я тоже огонек. А дальше я уже наблюдала за всем свысока, будто у меня выросли крылья – как пламя заполнило всю комнату, панику няни, вой пожарных машин, маму, пытавшуюся прорваться в горящий дом. И яркий свет... А потом я оказалась здесь, на полянке, и увидела тебя.

– Спасибо, – сказал красный волк, снова поднялся на задние лапы и уселся рядом на качелях.

Леля плакала. – Мне так жаль маму, – прошептала она сквозь слезы. – Это я виновата. Не она. Это все я...

– Что поделать, – грустно произнес волк и обнял ее худой лапой. – Теперь мы можем идти дальше.

– Я готова, – вытирая слезы, сказала девочка, взяла аквариум и вылила соленую воду вместе с рыбкой в океан. Обернулась на гривистого волка, тот улыбнулся, подал ей лапу, и они ушли в морскую бездну, где Лелю ждал новый мир, новая жизнь и новая мама.

Паучья яма

В соавторстве с Ташей Даниловой

Глава 1.

Грубер ехал в трамвае, спрятавшись от окружающего мира в музыку, громышающую в наушниках. Усталость сжигала мозг, он старался отстраниться от мыслей, но они продолжали атаковать и усугублять его раздражительность. Он надвинул капюшон на глаза, потер рукой нос и уставился в окно. За трамваем волочился тонкий зеленый шлейф из энергетических нитей. «Вот, привязались», – думал Грубер, – «Все ведь уже кончено».

В кармане завибрировал мобильник. Грубер выключил музыку.

– Да, – тихо ответил он и вжался лбом в окно.

– Я уйду, – ответили на том конце. – Аврора. Я через 20 минут буду дома, – устало ответил он. – Дождись меня.

– Грубер, я уйду, – повторил голос.

Оторвавшись от окна, он замер.

– Я оставила тебе записку. Прости, – услышал он, и звонок отключился. Грубер запаниковал, несколько раз перезванивал – но абонент уже был недоступен. Еле дождавшись своей остановки, он выскочил из трамвая, и толкая неповоротливых прохожих, побежал домой.

Дверь была заперта. «Черт!» – выругался Грубер, пытаясь трясущимися руками отыскать ключи в кармане. Бросил сумку у порога, забежал на кухню – и увидел письмо, примагниченное к холодильнику. «Прости, Грубер. Но мне нужно было уехать. После того, что произошло. Сегодня мне позвонил Марк и сказал, что Эльзу нашли мертвой. Он не смог тебе дозвониться».

Грубер достал из кармана мобильный, и увидев три пропущенных звонка от Марка, швырнул его на диван.

«Я думаю, ее смерть не случайна, – продолжил он читать письмо. – Вчера мне приснился сон. Будто я лежу в нашей постели, одна, пытаюсь уснуть и вдруг очень четко чувствую угрозу. Открываю глаза и вижу, как большой красный паук спускается к моему лицу, и сбрасываю его на пол. Потом я оказалась на кухне и искала эту красную гадину, чтобы убить. Как в дверном проеме появилась Эльза. Я обернулась на нее, на мгновение, удивившись ее присутствию. Она хотела мне что-то сказать, но я сразу же отвернулась обратно, так как засекла эту мерзкую тварь – и прищлепнула ее голой рукой. Липкие внутренности паука отпечатались на полу, а на моей ладони образовалось кровавое пятно.

Вдруг я услышала шорох за спиной. А обернувшись, увидела, как Эльза застыла от удивления. Она посмотрела на меня, потом на убитое насекомое. И тут из ее глаза вылез такой же паук и упал мертвым на пол.

Я отскочила назад. А ее тело начало трястись в конвульсиях, а потом рассыпалось мелкими мертвыми пауками.

И теперь... Она умерла. В реальности...»

Грубер вытер лоб и перевернул листок на другую сторону.

«Ты тоже был в этом сне. После того, как Эльза исчезла, я напуганная побежала обратно в спальню. Ты стоял ко мне спиной и смотрел в окно. Подойдя ближе, я заметила, что ты обмотан тонкими разноцветными нитями, будто паучья жертва, и дотронулась до твоего плеча. Ты обернулся, открыл рот – и из его черной бездны мне на грудь посыпались большие красные пауки...

А потом я проснулась.

Не знаю, что все это значит. Знаю только, что я убила паука. И Эльза умерла... Уверена, ты бы убедил меня, что это совпадение. Или что это твои проекции на меня. Но я так больше не могу. Мне нужно разобраться. Понять, опасна ли я, опасен ли ты для меня. Поэтому, пускаюсь в бегство.

Только прошу, дай мне до конца скрыться. Не трогай, не вызывай. Отпусти...»

Грубер отложил письмо и подпер подбородок рукой. Из забытья его вырвал телефонный звонок. – Аврора? – с надеждой спросил он. – Нет, извините. Меня зовут Марга. Мне вас посоветовали в полиции. – Простите, я сейчас не могу разговаривать, – отрезал Грубер и хотел положить трубку.

– У меня пропал сын. Ему 9 лет, – услышал он дрожащий голос, вздохнул и поднес мобильный обратно к уху. – Слушаю вас. – Он играл у дома на детской площадке. Я буквально на минуту отвлеклась – готовила ужин. Поглядывала же все время в окно. О боже... И никто не видел – кто куда увел. А он же умничка, смысленый. Не пошел бы с чужим, никаких конфет не взял бы – научила. Что произошло? Живой ли? Молю бога... Я уже и к экстрасенсам, и к бабкам – но ничего. Две недели уже. Вот к вам еще. Надежда то осталась... Надежда то и держит... Помогите, – обрывками говорила плачущая женщина. – Я подъеду к вам завтра. Мне нужны фото и вещи. В комнату его зайти, – ответил Грубер. – Хорошо, я наберу вас утром. Что по оплате? – спросила Марга. – Я ничего не прошу. Если помогу – этого достаточно. А там, как захотите. Пока ничего не обещаю. – Говорят, вы многих находили...

– Да, – сказал Грубер. – Но вы же знаете, какой часто бывает результат. – Знаю. Но я верю. Что мне еще остается? Он у меня один. До завтра, – сказала она и положила трубку. А Грубер подумал, как бы ему хотелось исчезнуть, выбросить телефон, заняться только поисками Авроры. Но совесть не позволяла отказать в поиске ребенка.

Он снова набрал Аврору, но телефон все так же был отключен. Выпил залпом полстакана водки и пошел в спальню.

По инерции включил телевизор, первый попавшийся канал, и упал на диван. Он не любил тишину. Она мешала ему думать, сосредотачиваться и даже спать. За несколько лет Аврора уже привыкла к постоянно работающей говорилке. Она много с чем сжилась рядом с ним. Но, как бы там ни было, его привычки и работа оставили на ней слишком явный след.

Да, он бы заверил ее, что она ни в чем не виновата. Что это действительно его проекция на нее. Это он убийца. Невольный. Потому что, он знал, кто такая Эльза. И если бы он не убил ее, пускай не своими руками, – не проснулась бы Аврора.

И да, пусть он не согласен – но это просто эгоизм – ей надо было уехать! Слишком многим опасностям он ее подставил. Его круг общения. Его знакомые, бывшие, как Эльза, – опасны для обычных людей. Для Авроры.

Но больше всего он боялся, что она уже тоже перестала быть собой. Слишком плотно он завернул ее в себя.

А Эльза. Тут все банально. Она просто не простила, что ей, такой же как он, он предпочел «обычную». А месть и обида иногда не знают границ. Для ведьмы. И даже для простого человека.

Утром ему позвонила Марга, и он поехал на встречу.

В квартире у нее был идеальный порядок. Грубер осмотрелся вокруг, зашел на кухню и выглянул из окна на детскую площадку. Марга налила ему стакан молока и проводила в комнату сына. – Это Зумо, – сказала она и заплакала. На фото в рамке улыбался рыжий мальчишка в голубой рубашке, подчеркивающей цвет его глаз. Грубер взял фото и присел на кровать. Несколько секунд всматривался, потом встал и попросил Маргу оставить его одного.

Мысли об Авроре мешали сосредоточиться, но он отбросил их на время и посмотрел в глаза мальчишке. – Сейчас мы поговорим, малыш, – сказал он и поставил фото не место. Потом медленно обошел комнату по кругу, прикасаясь длинными пальцами к книгам на полке, игрушкам, мебели. А когда почувствовал, что впитал достаточно информации, снова сел на кровать и закрыл глаза.

Сначала Грубер представил перед собой мальчика. Потом стал медленно тянуть пальцами зеленые энергетические нити, излучающиеся от фото и предметов в комнате. Смотрел их в видимый только ему клубок, из которого привычными жестами, будто из пластилина вылепил эфирную копию Зумо. И когда зеленый мальчик уже стоял перед ним, Грубер открыл глаза. – А теперь, малыш, ты приведешь меня к себе...

Глава 2.

Почему он выбрал именно зеленый из радуги цветов? Может, потому что чувствовал в нем биение жизни. Ведь пока растение зеленое – оно живое или недавно было живым. Так и с людьми. А еще у Авроры были зеленые глаза. Мысли о ней отвлекали, будто мучая, прокручивали в его голове образы, не касающиеся работы. Ему хотелось вызвать ее, создать ее фантом, обнять. Но это было бы несправедливо по отношению к ней. Может, в одиночестве она постепенно сможет сбросить с себя его шкуру, прилипшую намертво к ее внутренностям, пропитавшую ее плоть отравой.

– Зумо, – обратился он к прозрачному зеленому малышу с пустыми глазницами, возникшему перед ним, вырывая себя из непослушных мыслей. Личное во время работы должно быть приспано, крепко, намертво. Иначе ничего не получится.

Мальчик шелохнулся, будто неваляшка. «Как можно было не научить ребенка опасаться чужих», – думал Зумо, прикусив губу. Поэтому он и не хотел детей. Чтобы с ними потом ничего не случилось. Потому что уже и так давно чувство вины выедал в нем дыры по ночам, вылизывает с обратной стороны глаза, не давая выплеснуть эмоции слезами, и душит.

Наверное, будь он нормальным человеком, чувство вины давно бы поглотило его с потрохами. Помогло бы переварить самого себя. Но в этом и проблема. Он не был нормальным человеком. Он был каменным. Он сам научил себя быть каменным. Научил капсулировать стрессы, складывать их внутри себя на полочку, где-то за сердцем, в темноте.

Да, будь он нормальным человеком, он бы не уничтожил все то дорогое, что так рьяно завоевывал и вырывал зубами у судьбы. Не поломал бы, не предал, не испугал так, что теперь от него убежали, сломя голову, подальше, и просили не искать.

– Зумо, – тряхнул он головой, будто это должно было помочь настроиться на нужную волну. Призрачный силуэт двинулся к порогу и пролетел несколько метров, но как только Грубер хотел последовать за ним, развалился. Нити оборванными кусками упали на пол и смешались с пылью, кружившейся в лучах солнца. – Ур-роды... – растерянно пробормотал Грубер. Это было чем-то новеньким. След зачистили. Мальчика утащили из дома не просто уроды, а уроды одаренные. Вот чего Грубер совершенно не мог понять, так это принципа, по которому человек получает дар. Почему он оказывался в распоряжении каких-то отморожков, ворующих детей? И в его распоряжении, в конце концов. Правда, была у него на этот счет теория: по-настоящему светлым людям такое дерьмо не по плечу. У них попросту крыша уедет. Ведь даже если взять его – ну, не с рождения же он был плохим человеком. Потом стал. Вот примерно в тот период, когда начал осознавать свои возможности и стал.

Была и еще одна теория. Намного проще. И логичнее, в общем-то. Мир не справедлив, придурок. Нет на небе боженьки, который рассылает дары по желанию, наказания по преступлениям и вообще – несет людям справедливость. Все вокруг плавучее, тягучее, тошное и крайне случайное. И как ни страхуйся, кирпич может рухнуть на голову в любой момент.

А пацан в любой момент может помереть. Грубер присел у порога и провел рукой по гладкому линолеуму. Пробежал пальцами по стыку – бывает, именно там находится блокиратор. Нащупал что-то – не физически, просто пискнули датчики в мозгу, что-то вроде сигнала: «копай тут». Извлек из кармана ножик и, не прекращая движения, плавным взмахом кисти раскрыл его. Осторожно поддел линолеум на стыке, пробормотал: – Вышел месяц из тумана, – провел ножом, подцепил край, – вынул ножик из кармана, – осторожно потянул на себя, и линолеум тихо затрещал, – буду резать, буду бить... С кем останусь я дру... – Вы что? – тихо спросила хозяйка, спешные шаги которой он расслышал за треском, но не вскакивать же на ноги и не делать вид, что ничего не происходит. Тем более – она сейчас была готова хоть весь линолеум ободрать, весь дом разрушить, взорвать к чертовой матери, лишь бы найти своего ребенка. Грубер поднял указательный палец, призывая к тишине. Потом провел тем же пальцем по полу, и увидел на нем мелкие кристаллики соли. Поднял взгляд на женщину.

– Зумо боялся чего-то? Монстров в шкафу? Призраков? Зеркал? – прямо спросил он. – Не понимаю, – пожала плечами Марга.

– Соль под порогом – слабая попытка защититься от зла, – сообщил Грубер. – Значит, он знал, что зло идет за ним. Значит... – вскочил на ноги и принялся озираться, пытаясь увидеть уже человеческим взором, не упустил ли чего, – он мог оставить еще какую-то информацию о природе зла... Здесь, в комнате...

– Он был умным? – Что? – растерялась она. – Был?..

– Он умный? – запоздало исправился Грубер. – Дневник вел? Что-то говорил? Ладно, позже. Все позже. Могу я снова остаться один? Марга развернулась и ушла обратно. Мрачной молчаливой тенью. И он увидел, мельком, но увидел – чувство вины пришло и к ней. Просто пока не взяло свое. Только пришло. Осторожно постучало в дверь. Потом постучит еще. И еще. А потом – вынесет с ноги и придушит ночью подушкой. И будет душить каждую чертову ночь. А все потому, что она знала, о чем спрашивает Грубер. Потому что мальчик действительно чуял опасность, говорил о ней, но никто не обратил на это внимание. Детские бредни, естественно.

Глава 3.

Грубер захватил портрет Зумо и вышел из квартиры на улицу. Достал из кармана куртки сигареты, чиркнул зажигалкой, затянулся. А ведь у него была своя трагедия, которая сделала его таким каменным, бесчувственным. Просто так надо было. Так было легче.

Когда-то он потерял младшего брата. Эмро тогда было 5 лет. Совсем малыш. А ему – 12. Отчим в очередной раз сорвался на чужих детях, а мама, будучи слабой женщиной, их не защитила – и Грубер решился на побег. Собрал рюкзак, вытащил из постели сонного Эмро – и они ушли в ночь. Малой был послушным, не плакал, не капризничал. Терпеливо шел, держа старшего брата за большой палец, по обочине трассы вдоль леса. Ему не было страшно, и Грубберу тоже, потому что они еще не встречали монстров. Спустя время напротив них остановилась машина. Окошко спустилось, и из темного салона выглянул усатый мужчина. – Дети. Куда вы сами? Где родители? – спросил он. Грубер молчал. Он понимал, что правду говорить нельзя, иначе их вернут домой или отвезут в полицию. Можно было только врать. Но о чем. – Пацан, я тебя спрашиваю, куда это вы сами чешете? – настаивал незнакомец. – Мы из палаточного лагеря, тут рядом, – сказал Грубер и махнул рукой в лес. Мужчина вышел из машины и огляделся по сторонам. – Садитесь в машину! – приказал он. Грубер сначала замер, а потом вдруг рванул в лес и потащил за собой малого. Они бежали, не оглядываясь. И слышали за собой топот ног. Грубер сбросил тяжелый рюкзак и продолжал уводить брата от еще неосознанной опасности. Как вдруг какая-то сила вырвала Эмро из его руки и утащила обратно к трассе. Грубер остановился, огляделся и наконец почувствовал

страх. Он бросился следом за монстром, укравшим брата, крича: «Эмро! Эмро!». Но брат не отзывался. А когда Грубер выбежал на асфальт, увидел малого на заднем сидении удаляющегося авто, и упал на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.